

Перевод цвета

Цвета, как и многие другие признаки, перебираясь из одного языка в другой, попадая в культуру с иной организацией смыслов, меняют оттенки. Царский пурпур, цвет королевской мантии, в русском языке горделиво красен. Вспоминается пушкинская старая Москва, поникшая перед новой столицей, как «порфиноносная вдова». Порфира — так назывался по-гречески моллюск, из которого как раз и добывали пурпурный краситель. Древний пурпур, добывавшийся из морских моллюсков, был фиолетовым. В английском «purple» — обыденное, лишенное надменности слово, такими бывают полевые цветы, простенькие, почти не видные в траве, но и царь Соломон одевался не роскошнее их. Земля, травы, деревья укутаны в божественную славу, это, а не тело деспота достойно пурпура. Истинный пурпур незаметен, как незаметна на фоне мировой истории жизнь черной деревенской девочки Сили, героини романа «Цвет пурпурный». Так, наверное, можно толковать название книги Элис Уокер. Но есть и другие значения у этого названия, угадать которые невозможно, если полагаться только на

свою сообразительность. В «Цвете пурпурном» заявлена определенная программа, плохо различимая без некоторой доли околотекстовых сведений. И, вероятно, не стоит скрывать, да и вряд ли это возможно, что текст Элис Уокер имеет отношение к феминизму.

«Цвет пурпурный» появился в 1982 году, на исходе второй волны феминизма, бывшего неотъемлемой частью бурных политических движений за гражданские права предыдущего десятилетия. Феминизм второй волны 60-х и 70-х годов задавался проблемами равенства, причем не равенства на кухне перед горой грязной посуды, как часто это толкуют сторонние наблюдатели, а равенства за пределами семьи и дома. Белые американки хотели вырваться из одиночества кухни в благоустроенном пригородном доме, заниматься профессиональной деятельностью наравне с мужчинами, обходиться при этом без обидных замечаний, получать вознаграждение за работу, соизмеримое с тем, какое получали мужчины, иметь свои счета в банке (а замужние женщины не имели на это права). Нам, постсоветским женщинам, опять же, не говорю за всех, но по крайней мере в большинстве своем, трудно понять эти проблемы, так как многие из них были решены для нас и за нас ранними декретами советской власти. Беспокоит скорее излишек работы, чем ее недостаток, скорее отсутствие дома в пригороде, чем его наличие. На это же жаловались афроамериканки того времени, утверждая, что белые феминистки, стремясь вон из дома и выдавая

это стремление за универсально необходимое всем женщинам, отрицали тем самым «женскость» цветных сестер, которые в большинстве своем и так были вынуждены работать вне дома с утра до вечера, делая грязную работу за небольшие деньги, чтобы прокормить семью. Их нужды зачастую были в корне противоположны нуждам образованных и обеспеченных белых американок. Цвет кожи оказывался не менееотягчающим обстоятельством, чем пол, в ремесле выживания, и вовсе не по эстетическим соображениям — он влиял на социальный статус. Черные участницы движения утверждали, что белые феминистки, борясь за свои права, не замечают, как сами, в силу своей принадлежности к белому среднему классу, участвуют в угнетении афроамериканцев, включая своих черных «сестер». Поэтому-то у черных американок и возникла необходимость обозначить свои интересы как отличные от интересов белых феминисток.

Как-то раз Элис Уокер сказала такую фразу: «Пурпурный относится к лавандовому, как вуманизм к феминизму». Понятно, что лавандовый бледен и водянист по отношению к насыщенному богатому пурпуру. Но что это за «вуманизм» такой, который интенсивнее и ярче феминизма? Слово, образованное от английского «woman», то есть женщина, было придумано самой Элис Уокер, чтобы очертить позицию цветных женщин в пределах буржуазного, преимущественно белого, американского феминизма и заявить о разногласиях с белыми феминистками. Сменив ярлык, Элис Уокер тем самым

дала понять, что не о мистических феминах высоких сфер, а о женщинах, реальных и телесных, будет идти речь, и не только об отдельных женщинах, но о целом женском мире афроамериканок, о материнстве и сестринстве, об отношениях женщин друг с другом, их трудах и днях. И не писатели-мужчины или белые американки, такие, как, например, Гарриет Бичер-Стоу с незабываемым дядей Томом, будут чрево вещать за афроамериканок, а сами они заговорят своим голосом. В «Цвете пурпурном» не сторонний наблюдатель — сама героиня романа рассказывает о себе в письмах, хотя «закон отца» велит ей молчать: запрет на открытую и откровенную речь озвучен в первых строках повествования.

Слова отца поставлены эпиграфом к письмам Сили — это он, тот, кого она считает своим отцом, запретил ей рассказывать о страшном и стыдном, заедающем ее жизнь. В традиционных понятиях феминизма историческое молчание женщин, их отсутствие на общественной сцене и в культуре связано с запретом «отца», патриарха, главного мужчины в клане. Запрет этот не надо понимать буквально — такова конфигурация властных отношений в обществе, а как известно и как подсказывает современность, изменить конфигурацию можно, только если напечатать строку на клавиатуре и ввести ее в программу, то есть оформить в словах и зарегистрировать сам факт своего существования, сделать его видимым в системе. Но как раз представлять себя, или, другим словом, репрезентировать, законом отца запрещено. «Женщины только и годятся, что

для...» — говорит безымянный Мистер, муж Сили, не заканчивая фразы, но читателю, по обе стороны океана, понятно, что может следовать за этими словами в данном контексте. Это своеобразная ловушка, проверка на патриархатное сознание. Элис Уокер демонстрирует, что на самом деле всем нам без слов знакомы правила патриархатных игр. Просто мы не отдаем или стараемся не отдавать себе в этом отчета. Против превращения женщин в «сексуальный объект» и направлен, среди прочего, пафос романа. Для отчима Сили не дочь и не мать его детей, ее социальные роли в семье принижаются. В одном эпизоде романа Сили невольно удается означить, сделать видимой свою роль женщины-вещи на потребу имеющего власть мужчины, когда, пытаясь спасти сестру от посягательств отчима, она наряжается в условно привлекательные одежды и предлагает себя вместо сестры. За что и бывает бита, поскольку нарушила еще один закон — оставаться невидимой. «Оделась как шлюха», — говорит он, раздраженный тем, что тайное стало явным и суть его поступка на какой-то момент приоткрылась ему самому (и внимательному читателю). Он не просто превратил дочь в сексуальную вещь, он отнял у нее ее звание дочери, право на защиту и поддержку и, что немаловажно, отнял у нее голос, убил ее социальное «я».

В этом эпизоде нужно не просмотреть и другого смысла или подтекста, на этот раз связанного с цветом. Так же насиловали черных рабынь белые хозяева и так же отнимали у них детей для продажи

другим хозяевам. Так же выставляли их самих для продажи, как отчим Сили выставляет ее напоказ жениху. Получается, что главенство мужчины в афроамериканском обществе, его власть над женской половиной (или, другими словами, патриархатная доминация) оказываются сродни неограниченной власти белого плантатора над живым имуществом, черными рабами и рабынями. Патриархат и расизм поставлены на одну доску. Это невыгодное сравнение навлекло на Элис Уокер шквал упреков и обвинений со стороны афроамериканской пишущей братии, особенно после того, как в 1985 году на экраны вышел фильм Стивена Спилберга «Цвет пурпурный»¹ и произведение Элис Уокер стало достоянием миллионов американцев. Писательницу обвиняли в том, что, представляя черных мужчин в негативном свете, она подрывает интересы афроамериканского сообщества и работает в пользу белых расистов, которые и без того считают афроамериканцев людьми низшего сорта. Кроме того, говорили критики, «Цвет пурпурный» разрушает единство между черными мужчинами и женщинами, которые вместе призваны бороться за справедливость. Впрочем, у писательницы нашлось не меньше защитников и защитниц. Что же это за единство такое, писали они, если для его сохранения от женщин требуется молчание, и стоит ли сохранять такое единство? Сама Элис Уокер писала, что ей больно слышать в свой адрес обвинения

¹ В российском прокате фильм также известен под названием «Цветы лиловые полей». — *Примеч. ред.*

в ненависти к мужчинам своего народа и что она бесконечно ценит их веселый и свободолюбивый дух, исключая тех, которые чинят насилие и основывают свою мужскую первосортность на второсортности женщин.

Говоря о мужчинах своего народа, Элис Уокер вряд ли склонна приписывать их негативные характеристики полу, генетике или национальному характеру. Система — вот источник гендерного зла. Автор демонстрирует, что зло не присуще человеческой натуре, ему учат отцы сыновей, старшие и более авторитетные младших, только вступающих в жизнь. Муж Сили, Мистер __, сидя на террасе и покуривая трубку, в то время как рушатся жизни его детей, лишенных его внимания и заботы, учит своего сына, как вести себя в семье. И учит так же, как учат друг друга дети во дворе, — дразня и обзывая. Смотри, говорит он, если будешь заниматься детьми, помогать жене и быть с ней единоклубным, тебя будут дразнить кухонным мужиком и подкаблучником. Таков культурный каркас патриархального мироустройства в «Цвете пурпурном». Здесь реальность женской и детской жизни не важна, ее не существует, существует только соперничество между мужскими особями, борьба за статус и боязнь его утраты.

Книга начинается с запрета на речь, или, иначе говоря, на репрезентацию. Сили приказано молчать, и она послушно и простодушно пишет письма Богу, до тех пор, пока верит, что запрет наложен ее настоящим отцом. Но власть оказывается узурпиро-

вана злым отчимом (здесь Элис Уокер делает выпад против литературного клише, образа злой мачехи), и закон отца на деле оказывается пустышкой, не менее от этого вредоносной. Согласно Элис Уокер, патриархатный мир основан на подлоге. Закон отца на деле является законом отчима, а патриархат системой подстановок, где кто угодно может захватить власть.

Так что же, разрушим мир до основания, а затем построим наш, новый? Хотя Сили в конце концов бунтует против мирового устройства, никто в текстуальном мире Элис Уокер не собирается его свергать. Уокер не строит свою вселенную на смертной вражде. Революции не будет. Женский мир не пытается вытеснить мужской, женщины не соперничают с мужчинами в борьбе за территорию. Мудрая героиня романа знает, что средства определяют окончательный продукт. Каково средство, таков и результат, а цель — всего лишь благое намерение и на ход дела влияет незначительно. Поэтому Элис Уокер предлагает альтернативное устройство социума, этакую гендерную утопию. Женский мир в романе Уокер выстраивается в другом пространстве и на других началах. Ее героиня, Сили, в детстве познав изнанку гетеросексуальных отношений, отворачивается от такого способа бытия. Мужчины ей больше не будут интересны ни в каких целях. Ее мир — это мир лесбийских отношений, мир женщин, поддерживающих и вдохновляющих друг друга, где материнство не является клеткой и не обрекает мать на радикальное одиночество в силу того,

что другой жизни, кроме жизни вокруг своих детей, у нее нет, а дети ее никому, кроме нее, не нужны. В этом мире женщины не культивируют уникальный материнский быт и исключительные отношения с собственными детьми, а вместе воспитывают тех детей, своих ли, чужих, которых им Бог послал, поскольку, как говорится в африканской пословице, требуется деревня, чтобы вырастить одного ребенка. Да и Бог здесь другой, не мужчина и не женщина, не картина и не седобородый дед на облаке, а все во всем — веселое играющее божество, благословляющее любые сексуальные ориентации и любые любовные переживания. Не напоминает ли это В. В. Розанова, писавшего в «Опавших листьях»: «Берегите всякое живое «есть» любви»?

Будь этот роман написан немного раньше, в 70-е или даже 60-е годы, весьма вероятно, что стройплощадка для утопии «Цвета пурпурного» переместилась бы в Африку, в которой происходит много событий романа. В десятилетия «расовой революции» в Америке афроамериканская культура, отказавшись от надежд стать равноправным участником многонациональной американской семьи народов, стала искать альтернативную почву для своего роста. На какой-то момент казалось, что родная Африка, не испорченная голым чистоганом, земля предков, живших в единении с природой, может стать идеальным полигоном для афроамериканской культуры, неким референтным раем, пусть навсегда потерянным, но возобновимым на символическом уровне. Однако за расовой революцией последова-

ла феминистская, и культурная ситуация, для американцев всех цветов, весьма переменилась. Элис Уокер посылает своих героев в Африку, но только затем, чтобы они могли убедиться, что патриархат повсеместен, власть капитала повсеместна, сколько от них ни бегай по планете. Афроамериканцы имеют свое уникальное прошлое, свой национальный эпос порабощения, свою судьбу, которую им еще предстоит аристократизировать (а романтизирована она уже) и которой им еще предстоит гордиться. Радикальных улучшений можно ждать только в пределах своей культуры, на пути внутреннего поиска и переформулирования своей личности и своего сообщества, в отказе от правил патриархатного закона жизни.

«Цвет пурпурный» не раз называли феминистской утопией, где перевернуты с ног на голову общепринятые понятия о том, кто такие мужчина и женщина, как им положено себя вести, чем заниматься, кого и как любить, опрокинут мир, в котором отношения между полами трагичны, темны и безысходны. Завязывая узел неразрешимых и жестоких противоречий в начале романа, Уокер дает своим героям неожиданный выход в счастливое пространство собственного дома Сили, но не ранее, чем они излечились от своих болезней. Элис Уокер как-то писала, что в ее намерения не входило делать из Мистера __ дьявола, а из Сили ангела. По ее словам, они оба серьезно больны. Садомазохистская логика их существования должна быть изжита, застарелые стереотипы отвергнуты. В утопическом

пространстве «Цвета пурпурного» мужчина имеет право плакать, быть слабым, терпеть поражения, готовить еду и возиться по дому, посвящать свою жизнь детям, быть под каблуком у собственного ребенка, шить, если ему того захочется, не вызывая недоуменных реакций или вообще каких-либо реакций окружающих. Так же, впрочем, как и женщина, которая может любить столярные работы больше, чем стирку и уборку, может иметь влечение к женщинам, а не к мужчинам, может не признавать, что дети — это единственный смысл и оправдание ее жизни. Перед нами своеобразная мастерская социального конструирования. Ведь не все девочки любят убирать дом, некоторые любят его строить. К ним относится и Элис Уокер.

Конечно, как любая утопия, роман Элис Уокер уязвим для критики. Но в одном отношении он уже за пределами досягаемости убийственных рецензий и обзоров: действие его разворачивается не только на страницах. Так случилось, что оно перетекло с бумажных страниц в действительность. «Цвет пурпурный» относится к тем произведениям, которые не только произведены, но и сами произвели действие, впрочем, наверное, как и все книги, независимо от их литературных достоинств, которые читаются большим количеством людей и имеют резонанс. «Цвет пурпурный» изучается в университетах, на нем оттачивают мастерство начинающие литературоведы и культурологи, сочиняя сотни курсовых, дипломов и попадающих в печать статей.

Сили пишет письма Богу, а ее создательница обращается к миру, заявляя, вместе с другими афроамериканскими писательницами тех лет, о новом культурном присутствии. Афроамериканки мелькали в роли мамушек и нянюшек на страницах американской литературы, но никому не были особо интересны. Они мелькали в общественных местах, со швабрами и тряпками, с лопатами и граблями. На них никто не обращал внимания, они были невидимы. Невидимость в обществе означает отсутствие политической силы и власти. Чтобы тебя и подобных тебе заметили на арене общественной жизни, надо обрести второе, социальное, тело, надо в прямом смысле вписать себя в историю, надо создать воображаемое сообщество людей, объединенных едиными интересами. И создается такое политическое сообщество в основном на бумаге, о чем пронизательно писал Бенедикт Андерсон¹. Литература, в силу своей способности к обобщению, всегда была прежде всего политическим проектом, партией одного. Суть текста Уокер в том, чтобы сделать незаметное видимым, молчаливым дать возможность высказаться.

«Цвет пурпурный» — роман оппозиционный. Если не увидеть в американской культуре ее самую, может быть, важную и ценную часть, культуру оппозиции, то можно не увидеть и самой культуры,

¹ Бенедикт Андерсон (1936—2015) — британский политолог и социолог, автор книги «Воображаемые сообщества». — *Примеч. ред.*

как это зачастую и происходит. Американская немассовая культура строится не вокруг песен и кино. Это прежде всего культура гражданская. Чтобы общество не съело своих детей, должна существовать оппозиционная общественная жизнь, которая не зависит от того, кто у власти, белые или красные, демократы или республиканцы, русофилы или западники. В мире американского оппозиционного движения, и в частности в феминизме, представлены многие тысячи групп, которые хотят быть услышаны. Они мало известны за пределами страны, а зачастую за пределами университетских кампусов или крошечных офисов некоммерческих организаций и их веб-сайтов, но структура создает напряжение, некое силовое поле, хоть в какой-то степени защищающее жителей, включая не вовлеченных в политические затеи потребителей, от людоедства власти и капитала.

*Мария Завьялова
Миннеаполис
Май 2018 г.*